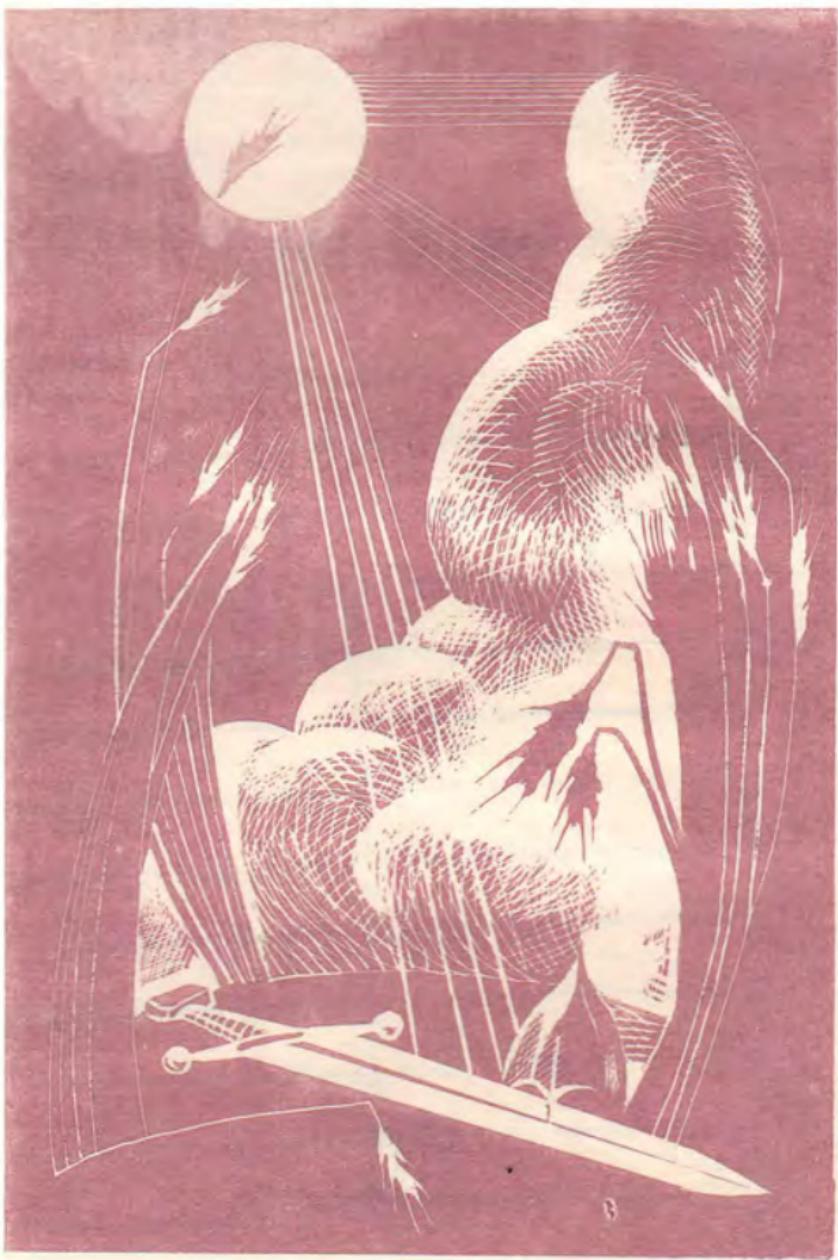

V

ВЛАДИМИР
ШЕСТЕРИКОВ

Лиловые
снега

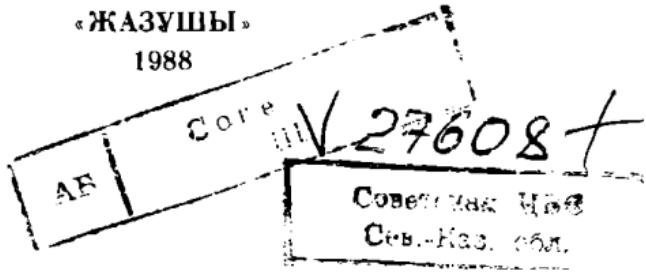
ВЛАДИМИР
ШЕСТЕРИКОВ

*Лиловые
снега*

Стихи

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»

1988

84Р7—44 .

Ш 52

Р е ц е н з е н т ы:

Н. Чернова, член СП СССР,

И. Шухов, член СП СССР

4702010200—133

III ————— **153—88**

402(05)—88

ISBN 5—605—00153—1

© Издательство «Жазушы», 1988

ИЗ ТОЙ ТИШИНЫ

* * *

Встают над июнем рассветы.
Как в том
сорок первом году,
Не видел я грозного лета,
Но будто —
иду и иду
По травам заржавленным,
горьким,
По выжженной ленте тропы,
И это —
в мою гимнастерку
Ржаная
въедается пыль.
Немыслим цветения запах,
Плыущий вдоль дымной земли,
Какие поэты и пахари
На травы июня легли!
Творцы из орлиного племени

Своих
не доделали дел...
Какие —
погибли поэмы,
И колос —
какой — не дозрел.

Гремят раскаленные пушки,
Расплавленный
льется металл,
И может быть, будущий Пушкин
В рассвет тот июньский
упал.
Потомкам своим беспокойным
Я вряд ли ответить смогу
На трудный вопрос,
на каком он
Остался лежать берегу.

Себя обвиняя сурово,
Как будто моя в том вина,
Все думают:
вдруг, если снова
Повыкосит лучших война.

Тропинками мирного лета
Я в грозную память иду...
Встают над июнем рассветы,
Как в том,
сорок первом году.

* * *

«Гремят о шеломы мечи...

(«Слово о полку Игореве

Звенели в ошеломленной

Степи

на заре и в ночи

В седые века,

о шеломы

Гремя и ломаясь, мечи.

Недолго врагам быть,

недолго

В раздольях славянской земли...

Каяла, Непрядва и Волга

Сквозь сердце мое протекли.

Ты помнишь, как шли эшелоны

На запад

в лихие года,

И сколько осталось шеломов

На поле

на ратном

тогда.

Вложить бы оружие в ножны,

Шеломом водицы испить,

Но в мире, как прежде, тревожно

И враг у прицелов не спит.

Вздохнуть бы полым оналенным,

Но столько столетий подряд,

Сверкая, мечи о шеломы,

Как и век Ярославны, гремят.

Давно нам живется иначе,

Но голос её и сейчас

Все так же тоскует и плачет,

Как прежде,

в тот утренний час.

ПОРА СУХОРОСА

**Уходя, молвил просто
Он
с улыбкой сквозь грусть:
Я —
к поре сухороса
Непременно вернусь.**

**Будет круглые сутки
Молотить мой комбайн...
Будут песни и шутки
Литься в степь через край.**

**Так и врезался в память
Он твою навсегда:
Перетянут ремнями,
На пилотке — звезда.**

**Ты в грозу ту узнала,
Ни жена, ни вдова,
Как сухими слезами
Плачет в поле трава.**

**Как стучится без спроса
В дом лихая беда—
Степь—
Пора сухороса.
Меркнет в небе звезда.**

ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

**Лодейное поле...
Лодейное поле...
Мне кажется все еще —
будто вчера**

С крутых стапелей в голубое приволье
Отсюда сходили фрегаты Петра.

Быть может,
тогда прорубиться в Европу
С Балтийского моря они помогли...
...Колючей травой застают окопы,
Осколки торчат в каждой пяди земли.

Её отстояли совместно с другими
Бойцами
мои земляки...
За тысячу верст от неё Пришлемье,
Но Свирь и Ишим — две родные реки.

Рвались здесь снаряды и выли фугасы,
Ржавела земля от посева свинца,
И нет уж в живых лейтенанта запаса —
В живых
моего
нет
отца.

Гвоздики сбегаются алою ратью
На поле сраженья,
где на бегу
Споткнулись с Ишимского брега ребята,
Оставшись на Свирском лежать берегу.

В седую легенду и былъ окунувшись,
Я чувствую всею душой наяву,
Какая есть связь между веком минувшим
И веком, в котором я нынче живу.
А Свирь все течет и течет величаво,
В течении плавном своем широка,

И каждый боец,
мой односельчанин,
Был чем-то похожим на Ермака.

Дана за победу великая плата...
Когда, захлебнувшись вдруг в крике: «Ура!»
В бессмертье свое уходили солдаты,
Была в них отвага и дерзость Петра!

РЕПРОДУКТОР

Люди жадно с фронта вести слушали,
Когда голос: «Говорит Москва»
Собирал в круг вставших за осьмушкой
Хлебного военного пайка.

И сегодня модная колонка
Вряд ли сможет приковать к себе
Как в те годы, горем опаленные,
Черная тарелка на столбе.

Булькал репродуктор тот
прерывисто,
Как на фронте, службу нес свою,
Он давно в отставке...
И транзисторы
Дома и на улицах поют.

Но я помню: затихает гомон
В шумной разновозрастной толпе,
Когда он:
«Вставай, страна огромная»,
Так,
что стыла в жилах кровь,
хрипел,

ОТЦОВСКАЯ НИВА

Вагончик.

Дымок самосада.

Поля и поля без конца.

Летучка...

А проще — бригада,
Носящая имя отца.

В пыли подорожники тонут,
И, спичкой чиркнув о зарю,
Дымком затянулся Платоныч,
— А я,

ты прости, не курю.

Но убедительным тоном,
Баском хриповатым своим
— Кури,— говорит мне Платоныч,
И мы потихоньку смолим,
И степью любуясь, молчим.

...Не сельсовет и не вече,
Без разных бумажных забот
Навечно

увековечил
Отцовскую память народ.

Скажи мне, Платоныч, по правде,
Ему говорю, наконец,
За это высокое право
Что сделал такого отец?

— Что сделал? — взлохматил тот брови,
Как будто вопрос был нелеп,
Потом помолчал и промолвил:
Он первый, кто сеял здесь хлеб.

Кто землю баюкал и нянчил
И нам к ней любовь завещал...
Волнения в сердце не пряча,
Он бросил цигарку и встал.

Скомандовал хрипло: «По коням!»
И сам — на комбайн.

И — айда!

За ветром рванулся в погоню,
Туда, где кипела страда.

Смотрел я, как дружной ватагой
В звенящей полынной дали
Громады комбайнов в атаку
На хлебную ниву пошли.

Казалось мне — степь сама задрогнула,
Привстав на стальных стременах,
... Мы в хлеб запускали ладони,
Сдували полову с зерна,

Пропахшего жарким раздольем,
Всем тем, чем напоена степь...
Так вот он, с отцовского поля.
Душистый,
с горчинкою хлеб!

В нем гулких моторов раскаты,
И хлестких ветров круговорть,
Сиреневых плавных закатов
В озера упавшая медь.

Мы бережно взяли по горстке
И пробуем молча на зуб
И зарево зорь хлеборобских,
И душных июлей грозу.

**А солнце сверкает неистово,
Как будто бы сварку ведет...
И хлеб золотым обелиском
Встает на току каждый год.**

СИБИРСКИЕ МАДОННЫ

**Осатанело выюги стонут
На перепутьях дум-дорог.
Спешат сибирские мадонны
К невольникам
в глухой острог.**

**О, эта добровольность плена
В медвежьем сумрачном углу!
...Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.**

**Снега, снега, как приведенья,
Да редких огоньков игра,
Всей жизни стоит отреченье
Во имя долга и добра.**

**Лишь только след саней поюющих,
Звенящих елей серебро,
...Узнав про то мгновенье,**

Пушкин

Возьмется гордо за перо.

**В час вдохновенья, полный страсти,
Предвидя на Руси восход,
До современников Некрасов
Великий подвиг донесет.**

**И на сибирских старых улицах,
Мне в зимний день,
под свист пурги.**

**Из века прошлого почуялся
Тех женщин доблестных
шаги.**

**И я отдаю поклон им низкий
За то, что шли в неравный бой
За честь души, за бескорыстие,
За верность долгу, за любовь.**

**За то, что путь их был увенчан
Высоким светом красоты,
За то, что ищем в наших женщинах
Чеканных профилей черты.**

**И пусть уже давно настали
Иные времена и дни,
Но в час суворых испытаний
С гравюр глядят на нас они.**

**И ищут взором напряженным
На жгучий свой вопрос ответ:
«Достойны ль мы, чтоб наши жены
Вот так пошли за нами вслед».**

БЕССМЕРТНИК

**Он затерялся бы в букете
Цветов пахучих, словно мёд...
Зато —
с названием бессмертник
На свете белом он живет.**

**Не привередливые розы,
Ни колокольчик полевой
Не выстоят, как он, в морозы,
Не выдержат палящий зной.**

А он стоит, согретый солнцем,
Опрятен, радостен, пригож...
И сам на солнышко он
словно
Своей наружностью похож.

Ну что с того, что не для вазы
Рожден бесхитростный цветок,
Зато в стакане он отважно
Рыжеет, словно огонек.

Его выбрасывать не смей ты,
Пусть греет душу нам зимой,
Хоть мы с тобой простые смертные —
Пример с бессмертника возьмем.

* * *

Стихи рождаются из прозы,
Они рождаются тогда,
Когда шумят над нами грозы,
Когда нам сердце жжет беда.

Они рождаются, когда нам
Бывает в жизни тяжело,
Когда наносит недруг раны,
Когда с добром схлестнулось зло.

Любви и ненависти пламя...
Борьба грохочущих стихий...
И мы не замечаем сами,
Как зреют в недрах душ стихи.

Когда обида не стихает,
Огнем прицельным бьет навет,
Мы защищаемся стихами,
И лучшей
нам защиты нет.

„Шумят, как очищенье, грозы,
Идет сраженье душ и слов,
Стихи рождаются из прозы,
И нет весомее стихов.

КАПИТАНЫ СВОБОДЫ

13 июля 1826 года на флагманском корабле «Князь Владимир» совершена гражданская казнь моряков-декабристов.

Среди них морские офицеры гвардейского и других флотских экипажей: Бестужев, Кюхельбекер, братья Беляевы, Чижов и другие.

15 человек были как государственные преступники приговорены к лишению чинов и дворянства, к каторге, разжалованы в солдаты.

В парадную форму одеты,
Становятся узники в ряд,
Срываются с плеч эполеты
И в бездну морскую летят.

От жертв отступив на три шага,
В каре замирает конвой...
Со свистом ломаются шпаги
Над ними —
одна за другой.

В Сибирь офицеров опальных
Отправят —
с лишением чинов...
Закованы в цепи на палубе
Бестужев... Беляев... Чижов...

Баркасы отходят от берега,
Пронзительно чайки кричат,
..Не станет ни Куком, ни Берингом
Ни этот,
ни тот лейтенант.

Но верят они:
через годы
Взойдет над страною восход,
А их в капитаны свободы
Россия произведет.

И пусть не положен при этом
Ни крест и ни блеск эполет,
Но выше нет званья на свете,
Где знаков отличия нет...

КОЖАНКА

Нет дефицитнее товара,
Чем модный кожаный пиджак,
Но есть кожанки комиссаров,
Летящие в огонь атак.

А это —
не одно и то же,
Поймите,
модники страны:
Подорожала нынче кожа,
Но тем кожанкам —
нет цены!

ЧУДАКИ

Творить всегда —
кому на радость,
Кому на зависть...
И вам вслед
Несется едкий смех: «Не надо
Изобретать велосипед».

Но все же стройте и стругайте,
Вникайте зорко в чертежи...
Пусть вас бракуют и ругают,
Не надо, чудаки, тужить!

Дерзайте,
в облаках витайте,
Гоните прочь покой и сон,
Велосипед изобретайте,
Ведь лучший —
не изобретен.

Когда приходит вдохновенье —
Пред ним застожен взгляд косой,
Так пусть живет в нас дрезий гений,
Кто первым сделал колесо!

УЧИТЕЛЬ

Нас увозит куда-то поезд...
Ждет тайга нас.

И ждет нас полюс,
А учитель наш остается...
На всю жизнь нам
урок им дается —
Чести, совести и благородства.
Он ответствен.

И он причастен.
К нашим радостям.
К нашим несчастьям.
Нелегко в большом его мире:
Дважды два — не всегда четыре.
И как правила деления,
Там удачи,
а там... сомненья.

И в сердцах он ведет неустанно
То сложение, то вычитание
И побед, и надежд на успех,
Лишь бы счастье было у всех.

Мы уходим...
А он упорно
Никуда от нас не спешит,
Извлекая квадратный корень
Человеческой души.

* * *

Строчек огненная изанка,
Что идут в нелеткий бой,
Выдается после правки,
Где редактор — горновой.

И порою до рассвета,
Как мартеновская печь,
Плавит свой глагол газета,
Чтоб сердца людеские жечь.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

СКОРЫЙ

На полустанке
транссибирской

Дороги,
замедля ход,
Промчится скорый пассажирский,—
И чай-то взгляд к стеклу прильнет.

Свет излучая фиолетовый,
Летя в полуночную мглу,
Как будто кадры киноленты,
Вагонов окна промелькнут.

Что там, за шторками из ситца:
беда, разлука,
счастье,
боль?

Чьих судеб таинство вершится,
Чье горе там и чья любовь?

...Скользнет туманный изор с тревогой
За фонарем последним вдаль,
Качнется, как во сне, в дороге
И чья-то радость, и печаль.

Вновь промелькнет разъезд,
и — скинет,
Курьерский — наберёт свой ход...
Как будто фильм многосерийный
Безостановочно пройдет.
В нем — непокой и вечный поиск,
Миг отступлений, свет побед...
Несется жизнь, как скорый поезд,
Которому возврата нет.

ВРЕМЕНА ГОДА

Снег победил и обновил
Деревья, улицы и годы,
Пусть осень — это черновик,
Зима, как чистый лист природы.

Играет вдохновение в нас,
Мы снова делаем помарки,
Не замечая, как весна
Приходит,
кровь волнуя жарко.

На холст наносит краски кисть,
Играет радугою цвета,
И вот —
откуда ни возьмись —
Шедевр самой природы —
лето!

ПТИЧИЙ БАЗАР

За окном —

птичий крик и галдеж,
Не весна ли пришла?

Не поймешь.

За окном — седовласый январь,
На дворе — гололед и хмарь,

Ну, а птицы кричат и кричат,
Стукнуть клювом в окно норовят,
В чем же дело?

Кто-то сказал:

«Знаю я — это птичий базар!

...Мне под утро туманное снится:
Торг ведут на заре синицы,
Торопливо судачат сороки,
Разбирая чьи-то пороки.

Воробы распетушились,
Вербы белым снегом умылись,
Ароматом запахло весенним,
Разлилось по земле всей цветенье,

И, как говор сорочий, речисто
Зазвенели ручьи лучистые,
Птицы с гомоном,
шумно скандаля,
У зимы весну покупали.

* * *

Полала поземка по земле,
Померк закат в снегах лимонных,
Я брел один среди полей,
Волшебной силой околован.

Я брел и падал
Но опять
Чтоб не заснуть.
Чтоб не застынуть
С одною мыслью — надо встать,—
Вставал в заснеженной пустыне.

А тишина плыла, как страж
Глухого снежного раздолья,
Каким был радужным мираж,
Каким бескрайним было
поле.

Где вечным сном курганы спят,
На зыбкий снег отбросив тени,
С трудом я сбрасывал с себя
Картины злого наважденья.

Не знал тогда я, что опять
Придёт мираж ко мне
в полночной
Морозной тишине палат
Казнить,
испытывать на прочность.

И с той же магией игры
Опять метель завоет звонко.
Завьюжив снежною поземкой
Бинтов
в руках у медсестры.

Как в поле, ирав её суров
В больничном полумраке душном,
Со стоном падаю в сугроб
Карболкой пахнущих подушек.

Но в тот же миг,
длиной в года,
Хочу я в полный рост подняться.
И не сдаваться,
не сдаваться
В плен белой выноге —
никогда!

* * *

Эту землю не охватишь взглядом,
Только на три шага отступи,
И — увидишь ниву
в неоглядных
Островах березовых в степи.

Вьются осы над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат.

Где прошли подобно урагану
В небыль
кочевые племена,
Кинули под вечными курганами
Всадников забытых имена.

И —
суровы перелесков думы,
И —
тревожен птиц весенних гам,
И —
костями воинов Кучума
По степи белеть солончакам.

И кругом,
где облака кочуют,

Из расщелин треснутой земли
Ржавые,
как древние кольчуги,
Буйные колосья проросли.

* * *

Все —
в семнадцать —
считается первым:
Всюду хочется первым успеть,
Обретается первая вера,
Первый в жизни
приходит успех.

Незаметно,
как дым, улетает
Горечь первых разлук и обид,
Раскрываются первые тайны,
А из первых —
вся жизнь состоит.

Столько в мире придется изведать!
Недалек испытания час —
Только в первый,
почти как в последний,
Мы бываем счастливы раз!

* * *

Море мне подарено тобою...
И, пожалуй, нет его древней,
По ночам мне снятся
шум прибоя,
Крики чаек,
грохот якорей.

ЧЕРНАЯ БЕРЕЗА

То ль ей душу опалили грозы,
То ли ствол ей
молния прожгла,
То ли в лес к нам
черная береза,
От беды скрываясь,
забрела.

Или угодило в лес снарядом
И лишь чудом выжила она,
Когда смерчем прошумела рядом
Страшная жестокая война.

**И до боли нам напоминая
Наших незабвенных матерей,
Когда выюга налетает злая,
Не сгибается в беде своей.**

Будто ждет,
когда к коре целебной,
Запоздалый путник припадет,
И она взлетит вдруг
черным лебедем
И печально в небе поплынет.

ЭХО ТИШИНЫ

С замиранием слушали люди
Тишину долгожданной весны,
Когда смолкли наявки орудия
Самой долгой,

И куда бы они не уехали,
И надеждой,
и верой полны,
Через годы им слышится эхо
Той,
второй мировой тишины.

Только время суроное тронешь —
Зазвенит, как горячий свинец,
Эхо горьких, как скорбь, похоронок,
Эхо выжженных трав и сердец,

Эхо мужества,
эхо страданий,
Эхо памяти,
эхо войны,
Что звучит, как набат, заклинанье:
Третьей нам,
не дай бог,
тишины.

ПОБУДКА

Приснился мне праздник великий:
Сияние лиц и очей,
И солнца слепящие блики
На трубах шальных трубачей.

Начищена медь боевая,
И сводный оркестр духовой
В едином порыве играет
Всем битвам и войнам отбой.

Затих где-то ветер погони,
Расходятся с плаца полки,

Лихие

расседланы кони,
Покоятся в ножнах клинки.

Мне снится...

А где-то, быть может,
В миг этот
при вспышке зарниц
Играет побудку тревожно,
Бойцов созывая, горнист.

И значит,

в поход собираясь...
Вот так же
врагам на беду
Играла труба в восемнадцатом
И в том, сорок первом году.

* * *

Ах, где вы, мальчишки-задиры,
Которыми двор знаменит?
Рождаются девочки к миру —
Народная мудрость гласит.

Рождаются девочки к миру...
Неужто мальчишки к войне?
Владеть им мечом и секирой,
Скакать на лихом скакуне.

А значит,

а значит,
а значит,
Поникнет их старая мать,
И надо,
и надо удачи

**Мальчишкам бы
тем
пожелать.**

**Помилуй их время, помилуй
В своей и чужой стороне...
Все дети рождаются к миру,
Никто не родился к войне.**

ДВЕ ВОЙНЫ

**Огни пристанционных зданий
Навстречу поезду летят...
Как на особое задание,
Собрался старший лейтенант.**

**В глухую полночь,
как в бойницу,
Зачем-то пристально глядит.
...Везёт отец меня в больницу,
Диагноз грозен:
спондилит.**

**Он смело дрался за планету.
От взвода требуя огня...
Но как спасти от лихолетья
Грозы невиданной —
меня?**

**Бессильны тут его солдаты
В своем порыве боевом,
Никто не сможет лейтенанту
Помочь прицельным артогнем.**

**Ещё не спороты погоны,
Шинель затянута в ремни...**

Все перегоны.

Перегоны.

Пристанционные огни.

**...Лязг буферов, железа грохот
Тревожно будят тишину,
Мы уезжаем на войну
С проклятой палочкою Коха.**

ПОДРАНКИ

**Хотя мы не горели в танках,
Но, простыней заметены,
Лежим в больнице, как подранки
Незабываемой войны.
Пора б к ребятам воротиться
В родное дальнее село,
Лететь бы с ними вольной птицей,
Да что там—**

**Сломано крыло!
Обход свой делает в палатах
Как врач заботливый, весна...
...Был День Победы.**

**Сорок пятый!
Но ... продолжается война,
Напоминая поневоле
Мне о себе
в полночной мгле
Не знающей пощады болью
В неровно сросшемся крыле.**

ДЕТСТВО

**Лепят бабу на звуке ребята.
Смех ребячий смешется, как свет.**

...Я припомнил детство,
где когда-то
Начинался жизненный разбег.

Вспомнились больничные невзгоды,
Белые халаты медсестер,
И в постели прожитые годы,
И недуга яростный костер.

Детство...
Нет, оно так не смеялось
Под неволей гипсовых оков,
И по льду стремительно
не мчалось
Тысячами солнц из-под коньков.
Жизнь мела безудержною выногой,
Коченели ночи в полумгле,
Может быть,
порой и было тugo,
Только есть Корчагин на земле!

Есть друзья надежные...
И верю я,
Если вдруг не выиграю бой,
Ты сама сестрою милосердия
Тихо наклонишься надо мной.

МЫ ТВОИ РОДНИКИ

СОЛДАТ

Нетороплив высоких мыслей бег,
Дни грозовые в памяти не стерты...
И в поле через годы человек
Идет в солдатской рыжей гимнастерке.

И —

замирает сердце на ходу,

И —

потому волнуется, наверно,

Что в нем

и в мирном нынешнем году
Еще дымится грозный сорок первый.

Как пуля, эта память горяча,
Упав подстреленою птицей с лета,
И в выхлопах шального пускача
Все слышен лай свинцового пулемета.

Как часто бой тот

видится во сне,

И полоснет вдруг память, словно током:

47

27608

AB

Советская ЦВЕ
Сев.-Каз. обл.

Зачем,
солдат,
всегда ты на войне —
На той великой
и на той
далекой?

Но бой еще
свой
не окончил он,
О чем-то думал дерзко и упрямо,
И сел солдат в целинный эшелон,
И укатил за хмурыми ветрами.

А в том краю —
в полнеба —
свет зари,
А в том краю —
ковыльи перекаты,
В краю том,
как богатыри,
Сутулят плечи башни элеваторов.

Курок сменила на штурвал рука
И потекла привольно в кузов
буйная
Пшеницы семицветная река
Из рукава сверкающего бункера.

Да будет это
много-много лет,
Да будет солнце, поле и опушка...
Да будет хлеб,
пахучий щедрый хлеб,
Да будет хлеб!
Да смолкнут в мире пушки!

В седой степи простуженно хрипят
Моторы гулкой предрассветной ранью...
И нет сильнее призванных солдат
И мирных хлеборобов по призванью.

СУХАРЬ

Лежим в палате, как положено,
Гадаем:
 что там, на обед,
А на обед дают пирожное!
И — пляшет детвора в ответ.

Но есть причуды у больного,
Я чудаком в тот день прослыл,
Когда вдруг сухаря ржаного
Взамен —
 у няни попросил.

Вот так
 отец мой перед боем,
Чтоб сохранить души закал,
Идя дорогой фронтовою,
Сухарь хрустящий доставал.

Я, как и он, навек запомнил,
Собрав все крошки до одной,
Пропахший дымом,
 полем,
 домом,
Бодрящий дух, сухарь ржаной.

* * *

Только выйдет зорька,
Рассветет едва,
Запрягаем Зорьку.
Едем по дрова.

Гонит ветер листья
На проезжий тракт.
Птицами освистан
Чахлый березняк.

Мы въезжаем в лето,
Пряно пахнет луг.
Как скрипит телега
Без хозяйствских рук!

Воздух бирюзовый,
Тиши да благодать...
В сапогах кирзовых
Сучья рубит мать.

Забираясь в поросль
Меж сухих берез,
Мы таскаем хворост,
Складываем в воз.

С братом смотрим зорко,
Как в свою судьбу,
Где корова Зорька,
Звездочка на лбу?

Ей оставаться б дома,
Лес ей, как тюрьма,
Рог один обломан,
Да к тому ж хрома.

Но она безалобно
Воз везет домой,
Запряжен в оглобли
Целый шар земной.

Снова тракт разбитый,
Ветра свист нам вслед,
Молока попить бы,
Но — ни капли нет.

Едем мы в деревню,
В тусклый небосвод—
Год послевоенный —
Очень трудный год.

РАЗЪЕЗД

Давным-давно когда-то мной
Была картина эта видена:
Старуха древняя с клюкой,
Гусей пасущая на выгоне,

Идущие в лесную синь
По ягоды
с лукошком бабы,
Гудки толпящихся машин
У полосатого шлагбаума.

Я видел, будто наяву,
И этот стог,
и эту рощу,
Шашала, фыркая, траву
В степи стреноженная лошадь.

И так же,
стоя босиком,
С тревожной грустью, неустанные

**Махала девочка платком
Вслед уходящему составу.**

**Как будто видел я уже
И тот плетень,
и блеск зарницы...**

**Потом не раз в моей душе
Картина эта повторится:
Поляна.**

Роща.

**Тихий свет
Девичьих глаз с немым вопросом,
Летящие мне долго вслед
Листки с берез простоволосых.**

ВАСИЛЬКИ

**Вплетены васильки в поле хлебное,
Надо мной — васильковое небо.
Васильки.**

Васильки.

**Васильки
Заплетают девчата в венки.**

Парни ладны здесь.

Высоки.

**Загляделись на них — васильки,
И глаза стали синими,
синими,**

**И сливут парни
сильными,
сильными.**

**Васильки...
Совпаденье какое!—
И название села — Васильково.**

Здесь лекарствам иным вопреки
И на раны кладут васильки.

А спроси у парней, как зовут,
Улыбнутся,
Плечами пожмут:
Мол,
и мы удивляемся сами:
Но представьте себе —
Васильками.

НАДЕЖДА

*Матери моей
Надежде Ермолаевне*

Назвали мать мою Надеждой.
Чтоб с верой в лучшее жила.
Когда без крова и одежды
Семья крестьянская была.

Пусть горя вынесла немало,
Пусть в доме хлеба и тепла
Всегда чуть-чуть недоставало,—
С надеждой мать по жизни шла.

Она ей придавала силы,
Когда на зорьке лет меня
Надолго с нею разлучила
Судьба нелегкая моя.

Она её не оставляла.
Как солнца добрый луч светла.
Когда валила с ног усталость,
Когда отца с войны ждала.

Пускай я в живу беспресто.
Боль разбивает губы в пром.—

Со мной всегда идут, как сестры,
Надежда, вера и любовь.

Одно твое святое имя
Всю жизнь дает мне, мать, понять:
Все можно у меня отнять,—
Никто надежду не отнимет.

Надеясь, веря и любя,
Я помню с гордостью,
как прежде:
Хотя на свете нет тебя,
Я сын Надежды,
сын Надежды.

СИНИЦА

Метель разматывает пряжу,
Мелькают бабушкины спицы...
Зимой под вечер не однажды
Стучалась к нам в окно синица.

Стучалась, как к друзьям-товарищам,
Проведать нас...
Она не знала,
Что вьет свое гнездо,
как варежку,
Точь в точь,
что бабушка связала.

ДЯДЯ ГНАТ

В колхозной кузнице — жара,
Горячим зноем дышит воздух,
И дядя Гнат нас со двора
Не гонит, рассыпая звезды.

Когда раздует он закат,
То вдруг заметишь, как красиво.
В полнеба вспыхнут возле хат
Багряным заревом осинны.

А где притих колхозный пруд,
Качнется, зазвенев задорно,
Рябины раскаленный прут,
Что закален на жарком горне.

...Пусть ветер, рвущийся в простор,
Как журавли, меня приносит
В края, где с очень давних пор
Напоминает кузю осень.

**Благодарю Вас, дядя Гнат,
Что через годы вижу снова,
Как листья медные летят
И так похожи на подковы.**

В каком бы ни был я пути,
И в день погожий, и в ненастье,
Мне почему-то не найти
Хотя б одну из них —
на счастье.

РОДИНКА

Называется Родинкой
Не ручей, не река...
Отражается родина
В глубине родника.

Дышит поле покоем,
Спал полуденный зной,
Ах, приволье какое,
Золотистое дно.

Куст созревшей смородины,
Пропылившийся весь,
Родниковая родина
Начинается здесь.

И нигде не кончаются
У неё берега.
Мы с тобой повстречаемся
У того родника.

Может, ты умывалась
В роднике,
озорна,
И от брызг всех осталась
Только капля одна.

Ах ты, Родинка, Родинка,—
Не река, не ручей...
Родниковая родинка
У тебя на плече.

По дорогам непройденным
Мы уйдем далеко...
Начинается Родина
С голубых родников.

Ах, ты, Родинка, Родинка,
Взмах прощальный
руки,
Куст смородины...
Родина,
Мы твои родники!

ЗЕРНА В КОНВЕРТЕ

Дочери Жанне

Хлеб, тобою присланный по почте,
Излучает рук твоих тепло,
От него,
ты понимаешь,
очень
На душе становится светло.

Нет, не зерна жаркие в конверте,—
Ты на этот раз прислала мне
Зори, раздуваемые ветром,
Луч прощальный солнца на стерне.

Дальний гул комбайнов,
перекличку
Лето уносящих журавлей,
Синих звезд холодное величье,
Бесконечную печаль полей.

Мы настолько породнились с ними,
Будто через годы и века
Прорастем вдруг —
и добавим к ниве
Два налитых солнцем колоска.

Тихо-тихо отдадим поклоны
Людям тем,
что через много лет

**Будут нянчить бережно в ладонях
Пахнущий горячим медом хлеб!**

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Планирует сверху отважно,
Осенией лучистой порой,
Он,
 как самолетик бумажный,
Что
 дётскою послан рукой.

Планирует лист...
И я думаю:
Он дням нашим чем-то сродни...
Как с дерева жизни бесшумно
Срываются сверху они!

Срываются тихо рассветы
И нет им возврата назад.
Чем больше нам лет —
 тем заметней
Оранжевых дней листопад.

Сквозь годы увидишь однажды,
Свой взор устремив в небосвод:
Исчез самолетик бумажный,
Ревет в синеве самолет.

...Подула метелица снежная,
Раздался неистовый свист,
Но держится,
 держится,
 держится
Последний оранжевый лист.

* * *

Знакомый нехитрый пейзаж —
Колосья шумят без умолку,
Густой паутины монтаж
Ведется в березовом колке.

Смотрю я,
как бродят грачи,
Как к току машина несется,
Как в поле скирдуют лучи
Янтарного ясного солнца.

Такая
склоняет синева,
Так
ласковое осенью мне светит.
Что кругом идет гамма
От счастья,
что есть я на свете.

Пусть подень от пыли ослеп
Смеется душа от приволья,
И зреют стихи, словно хлеб,
В пронизанном ветрами поле.

РОДНИК

Сюда, где ключ целебный зреет,
Теперь все едут на авто,
Глядят наше рогозы,
И я гляжу:
 а где же тот.
Пробившийся на свет одиноким
Из самой глубины земли.

**Чтоб путникам усталым жажду
В горячий полдень утолить?**

**Никто наверно не забудет
Чудесный миг в палиящий зной,
Когда заломит даже зубы
От влаги доброй и живой.**

**Теперь родник в бетон одели
Самой природе вопреки...
А мы душой не обмелели,
Когда мелеют родники?**

* * *

**Все слаще пряный дух отавы,
Все шире сильных рук размах...
И я себе отца представил
С косою-молнией в руках.**

**Как он,
денькам погожим радуясь,
Несспешно сметывает в воз
Рассветы звонкие и радуги,
Раскаты прошумевших гроз.**

**Потом, под небом фиолетовым,
Когда закончится покос,
Плынет, как воз качаясь, лето.
Дымок отцовских папироc!..**

**Мне проследить бы за полетом
Того дымка еще б хоть раз,
И за каким же поворотом
Он скрылся навсегда из глаз?**

Свежее ближе к ночи воздух,
Душистый движется поток...
Лежу, зарывшись в сена стог.
И земляникой пахнут звезды.

* * *

Под крылом —

в немерянных просторах,
Где лишь ветры листьями шуршат,
Пленкой льда покрытые озера,
Сиротливый шорох камыша.

В небе говор журавлиный замер,
Долг птиц нелегкий перелет,
Только там,
за дальними морями,
Вряд ли счастье кто-нибудь найдет.

Впереди летит вожак охрипший,
Вот и сделан им прощальный взмах...
Лишь весной ликуют птицы крики
На родных весенних берегах.

Птицы, птицы!

Я, поверьте, знаю,
Как от встречи с родиной тепло,
Как людей свиданье с отчим краем
Тоже поднимает на крыло.

Провожая вас печальным взглядом,
Думаю я,
глядя в облака:
Человеку крылья дарит
радость.
А бескрылым делает
тоску.

* * *

В печурке белой яростно горят
Свирепые морозные поленья...
Из века в век передо мной подряд
Проходят племена и поколенья.

То —
 над землей поют колокола,
То —
 буйствуют колосья золотые,
То —
 ветер раздувает купола,
То —
 пролетает конница Батыя.
То —
 вдруг тюльпаны вытянутся в рост,
То —
 за селом подсолнух расправится,
То —
 промелькнет пушистый рыжий хвост
За кем-то устремившейся лисицы.

То вспышки молний, то борьба стихий,
То оживают давние поверья,
То шпоры распускают петухи,—
То кровь во мне
 бунтует
 древния.

* * *

Открыты широко ворота,
Сугроб у самого крыльца...
Не надо плакать, мать!
 Да что там.
И дом чужим стал без отца.

И на часах застыли стрелки,
Попробуй, время отыщи,
Мать разливает по тарелкам,
Когда за стол садимся,

И лишь одно пустует место...
Кто б в красный угол сесть посмел?
Вдруг колыхнулась занавеска
И ветер в форточку влетел.

И мать дала сигнал к обеду,
За ложку взявшись, наконец,
Промолвив: «Это нас проведать
Сегодня приходил отец...»

ДЕД ЕГОР

**Медовый запах скошенной травы
На городском ухоженном газоне,
Повеял очистительным озоном,
Рождает чувство родины в крови.**

И видится мне в ту минуту вдруг,
Как за деревню вышли спозаранок
Косцы.

Цветы,
сойдя с девичьих сарафанов.

И я невольно замедляю шаг:
Мелькает на газоне перед взором
Немыслимо замасленный пиджак,
Как будто с плеч он

дедушки Егора.

Косарь и правда на него похож,
Залюбоваться можно —
так движенья споры,
Так он,
как русский молодец,
пригож,
Жаль —
не хватает здесь ему простора.
Косы крестьянской невелик разбег,
Газон — не луг.
С косой не развернуться.
Но все ж спасибо,
дед Егор,
тебе,
Что мне помог на родину вернуться...

БЕРЕЗЫ

Я на них смотрю с любовью,
И берет меня печаль:
То
они стоят, как вдовы,
Тихо всматриваясь в даль,

Будто ждут и ждут кого-то,
Добротой озарены,
Кто вот-вот придет с работы
Или с давней той войны.

То,
как робкие невесты,
Излучают белый свет
И поют негромко песню,
У какой названья нет.

В их чертах неповторимых,
Над раздольями полей,

**Что-то есть и от любимых,
И от наших матерей.**

**Кто прощает все обиды,
И кому —
поклон несу,
Будто Родину увидел
Я —
в березовом лесу.**

СТАРЫЙ ДОМ

**Не здесь ли родины исток?
Сейчас с холма увижу
древне́го,
Как сторожит ворона стог
У края поля, за деревней.**

**Там дальше, в сумраке седом,
Смотря на мир с немым укором,
Стоит забытый отчий дом
За покосившимся забором.**

**Да вот он!
Я его нашел,
Пойду за поворот, и — прямо...
..Качнется под ногами пол,
До блеска выскобленный мамой.**

**И пригласит за стол она,
И будет радостно светиться
Её лицо.
А из окна
Печальный свет на землю лягься.**

...Взмахнуло прошлое крылом,
Седую память в сердце будит,
Давно оставлен старый дом
И в нем живут чужие люди.

**Но, с почерневшим потолком,
С поющею старой половицей,
Казался в детстве он дворцом,
Куда уже не возвратиться.**

Не постучусь я в дом чужой,
Туда,
где долгой зимней ночью
Раскатисто, как домовой,
Метель в печной трубе хохочет.

КОЛОС

Он насквозь
пропыленный,
Ощутимый
на вес,
Жарким солнцем
каленый,
Перекрученный
весь.
Битый
градом,
грозою
От макушки до пят,
Пережаренный
зноем,
На ветрах всех
распят.

Мытый
дождиком нудным,
Веян
снегом седым...
Вот и сила откуда,
Когда хлеб мы едим.

ВО ИМЯ ДОЛГА И ДОБРА

КРЫЛЬЯ

И самый мудрый аксакал
Ответить на вопрос бессилен,
Откуда в нас жила тоска
Так неосознанно —
о крыльях.

И кто б, скажите, не отдал
Всю жизнь
за взлета миг счастливый!
...Есть у казахов конь —
тушар,
У русских конь есть — златогривый.

Наверно людям неспроста
Из уст в уста мечту дарили,
Тот, кто о крыльях не мечтал,
Тот не имел вовек бы
крылья.

Не потому ли в нас всегда
Есть ощущение полета.
И вот грохочут поезда,
Ревут турбины самолетов.

Уздой серебряной звени
И обдавая думы жаром,
Несется конница огня,
Лихая вольница тулпаров.

Идем с тобой смотреть байгу,
В степные дали, где игриво
Из края в край,
смеясь, бегут
Пшеницы золотые гривы.

И рвутся в высь —
лишь посмотри —
Как восклицательные знаки,
Карагандинских шахт копры,
Стальные вышки Мангышлака.

Да будет славен наш союз
Полетом дружбы закаленной,
Горячей, как Экибастуз
В груженных солнцем эшелонах.

...Разбег — и спрятаны шасси,
Мечта! Ты нас не обманула,
Не сердце ли твое, Турксеб,
Пылает в маках Байконура.

Туга сухих ветров камча,
Но им навстречу катит с силой
Крутые волны Калчагай.
Скрываясь чайкой белокрылой.

О миг полета!
Смелых дар,
Взметнувших крылья горделиво...
...Есть у казахов конь—
тулпар,
У русских конь есть —
златогривый.

БРИГАДНЫЙ НАЛАДЧИК

Дядя Степа — бригадный наладчик,
Невысок,
неказист на вид,
Но плащом запыленным шуршит,
Словно маршальской плащ-палаткой.

«Дядя Степа! Сюда!» — ему машут,
И он к ним направляется ходко,
Поколдует над гайками, смажет —
И опять идет самоходка.

Сапоги порыжевшие стоптаны,
Полинила на солнце роба,
После смены шумят:
«Дядя Степа!
А ты смог бы достать воробышка?»

Ну, а он ключом поворожит,
Будто к шутке той непричастный,
А в молчанье:
«Да, что там воробышка!
Вот достать бы сейчас — запчасти...»

Смуглые и дерзкие пираты
В алых фесках, рвущиеся в бой,
Слышатся далекие раскаты
Моря, привезенного тобой.

Как морской воде в бутыли тесно!
Ей,
привыкшей к бурям и штормам,
Чудятся нагих русалок песни,
Парус, пробежавший по волнам.

Вечную разлуку предвещает
За кормой прощальный след луны,
И —
я кожей всею ощущаю
Жар нагретой гальки вдоль спины.
И в груди рождается волненье,
Как волна рождается вдали,
После шторма в порты назначенья
Долго не приходят корабли.

Я в их возращенье буду верить!
Жизнь порой как продолженье сна,
Где однажды нас с тобой на берег
Штормовая
выбросит волна.

* * *

Всегда душой к тебе стремиться,
Порою ескориться, мшриться,
Быть мягким, нежным, и суровым.
Светить улыбкой, хмурить брови,
Негодовать и венчаться,
И невзначай тебя обидеть.

И вновь прощения просить,
И зла на сердце не носить.

Быть глупой ревнистю томимым
И быть порой невыносимым.
Стараться лучше,
чище быть,
А значит —
просто полюбить.

* * *

И в ревности есть просветленность...
Что ни толкует там мольба,
Тот не был никогда влюбленным,
Кто хоть чуть-чуть
не ревновал.

И я тебя ревную к ветру,
Что может дерево сорвать,
Ревную к солнечному лету,
Одегому в твой сарафан.

Ревную к шелковистым травам,
Тем,
по которым ты идешь,
Ревнюю,
тыщу раз неправый,
Когда облепит платье дождь.

Ревную, молнией сраженный,
Когда нам вслед летит гроза,
Ревную к звездам,
отраженным
В твоих полуночных глазах.

Когда мы бродим переулками
И город сумраком обят,
Ревную к снегу, словно к скульптору,
Что взял в натурщицы тебя.

* * *

Все кричат на свадьбе:
«Горько!»
В голосе дружно...
Да и только.
Стерла слезы ты украдкой:
Горько —
это значит сладко.
Это значит,
это значит,
Все желают вам удачи.
Почему же у любимых
Жизнь порой невыносима!
Почему же, почему же
Столько ссор у них ненужных.
И как будто испароком,
Столько снерев и упреков
И раздеров разных столько...
В самом деле: горько, горько.
Горько! Горько!
Но любимый
Подходит.
Тебя обнимет...
В полуутрахе забыши-забыши
Ты застенчивая улыбкой,
И склонишь слезу упреком:
Горько —
это значит сладко!

* * *

**Пусть характерами схожи—
Уготовила судьба
Выбирать нам чаще все же
Непохожих на себя.**

Да легко ли равных встретить
И душой,
и сутью всей?
Потому что нет на свете
Однаковых людей.

И поверьте —
будут пресны
Только тиши да благодать.
Это даже интересно
Каждый день себя ломать.

Пусть из двух вулканов кратеры
Дышат огненной грозой...
Притираются характеры —
Лед и пламя —
Твой
и мой.

Непохожи—
Только все же
Через много лет и дней
Посмотрите, как вы схожи
Даже внешностью своей.

* * *

Говоришь ты мне все чаще
И не требуешь ответ:

В пониманье, видно, счастье,
А его, как видишь, нет.
Благодарен я заранее
Этой правоте твоей:
Да, переношу понимания
Нет у близких и друзей.
Я твоим словам внимашу,
Только как мне объяснить,
Что наивным пониманием
Можне даже оскорбить.

Говори — я весь внимание —
Про себя и про меня...
Изогда внимание
Также надо бы помнить.

1

С душою, полною огня,
Ты гореть слез в подушку прячешь.
Ты рождена — не для меня,
Я для тебя —
всегда предначертан.

Я не создал тебе чудес,
И ты в меня давно не веришь...
Но мир прекрасен, если есть,
Кому ты первый мир покажешь.

Кто у тебя печаль уйдет,
Как будто волны пропадут.

**Кто обнадежит и поймет
И словом ласковым утешит.**

И в ком
в предчувствии беды
Никак не сможешь усомниться,
Как две мерцающих звезды,
Одна душа
к другой стремится.

Так где ж мы ходим,
боже мой,
Когдаолжизни за спиною,
И я,
не встреченный тобой,
И ты,
не встреченная мною?

ИЮНЬ

**Белым снегом засыпан июнь,
Снег летит — только ветром дунь.
Ты на свете такая одна,
Тополиная седина.**

**Еще молодость не прошла,
Голова не белым-бела,
Но снежинка, как будто в лесах,
Заблудилась в твоих волосах.**

**А еще на дворе июнь,
А еще ты, как тополь, юн.
Но однажды проходит весна
И летит с тополей седина.**

ЛИСТОГОН

Надо мною кружит листогон,
Будто ишёл впереди почтальон
И набитую сумкой потряс...
Ты принесла на почтамт сентября.

Письма,
марки эпох и времен
Закружил вокруг
листогон.

Опускается в руки само
Неизвестно откуда письмо.

В нем обратного адреса нет,
Это чье?
Запоздалый привет
Кто-то вдруг от тебя передал...

Ты прости меня.
Видишь? Не ждал...
Но, наверное, это не сон...
—Что-то долго кружит листогон.

* * *

Скользит твой взор за птичей стаей,
Поднявшей утром ранним крик,
Вот щебет птиц тех,
нарастая,
И в замшу форточку проник.

Не знаю, отчего бы это,
Ты вдруг почувствуешь душой,
Как вихрят теплым волем ветер,
Как манит день голубиной.

Пусть снег лежит,
свинцово-тусклый,
Пусть дни и ночи холодны,
Но надо жить всегда предчувствием
Надежды, веры и весны!

КАЛЕНДАРЬ

Как всегда, без опозданья,
С января до января
Опадает, опадает
Снег листков календаря.

И летят,
летят страницы
В череде незримых дней,
И сужаются границы
С каждым годом
жизни всей.

Я нарочно позабуду
По утрам листки срывать,
Хотя знаю — будет трудно
Повернуть мне время вспять.

Укротить бы мне однажды
Равномерных суток бег...
Что летишь ты, снег бумажный,
Настоящий — выпал снег!

Скрыл друзей ушедших
лица
Безмятежный снегонад...
Только как мне примириться
С тихой горечью утрат?

* * *

**Почему-то непременно
Ходят парою всегда
Вместе с верностью измена,
Рядом с радостью — беда.**

**По одной идут дороге,
Нет надежнее подруг...
Мне б хотя бы ненадолго
Разорвать порочный круг.**

**Но со мной они — как тени,
Будто нет иных путей,
Видно, цену обретений
Не понять нам без потерь.**

* * *

**Осенний лес и пуст, и гол,
Хоть кто-нибудь сюда б зашел!
Но... не заходят.**

**Не заходят!
Ко мне придут друзья сегодня,
А завтра, может, не придут...
Вот так тихонько предают.
Будь славен тот, кто в лес пришел,
Когда он пуст, когда он гол!**

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

**Ты совесть, друг,
мою не трожь.
Не надо мне морали праведной.
Пойми, что есть святая ложь.
Святая ложь — во имя правды.**

Так до взросления порой,
Скрывая тайну от ребёнка,
Ему с открытою душой
Мы лжем расчётливо и тонко.

Так врач, ведя с недугом бой,
Скрывает свой диагноз грозный,
Чтоб веру обретал больной
В оптимистических прогнозах.

Берёт грех на душу?
Ну что ж,
Есть исключения из правил,
Я только за святую ложь...
А в остальном —
пусть будет правда!

* * *

Когда закружит в поле выюга
И круто заметут снега,
Дай бог, спастись от лести друга
И злобной клеветы врага.

И от усердного участья
Всех тех,
 кто нам бывает рад,
И от избытка того счастья
Что накукуют,
 насулят.

От неприязни затаенной,
Что бьет, как ток по проводам,
И от любви неразделенной,
И от всего,
 в чем трудно нам.

* * *

Я не знаю, как же так случилось,
Где прервалась прежней дружбы нить.
Неужели мы вдруг разучились
Добрые слова произносить.

Говорить их надо бы начине,
Чтоб они, как добрая звезда,
Наш светили в горе или счастье,
Были пуговицами всегда.

И существуют в сторону власти,
Зади монархии и мала,
Если не забудем,

что на свете
Существуют добрые слова.

* * *

Как можно изверги уйти!
Остинь сомненья и тревоги,
Сойди с привычного пути —
И снова найдешь на дорогу.

Поймешь,
 быть может, через год,
А может статься, через годы:
Скорее лишь себя найдет
Лишь тот,
 кто изверги уходит!

ГЛАЗА

Вот так порой бывает в жизни,
Когда идет нечестный спор,
Мы друг от друга, как чужие,
Вдруг отворачиваем взор.

Когда идет сердец поверка,
Когда беда
или гроза,
Как важно, чтоб друзья,
как в зеркало,
Глядели бы
глаза в глаза.

* * *

А полуправда — это ложь,
И сколько раз
её ни множь,
Как на весы ни положь,
Не перетянет чашу лжи.

Не сыщешь истин в спорах мнимых,
Лишь сердце обнажив до дна.
Поймешь, что правда неделима,
И потому всего одна.

Себя считает каждый правым
За честь души своей
в борьбе,
И все ссылаются на правду...
Но все ж —
ищи её в себе!

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

В разгаре лето.

Не скатилось
Пораньше солнце за село...
Еще ничто не изменилось,
Но что-то все же произошло.

Так замирает на излучке
Реки,
где небосвод уснул,
Почувяв перемену, щука,
Хвостом нечаянно плюснув.

Так замирает на изломе
К глубокой осени душа,
И я в предчувствье незнакомом
В дороге замедлил шаг.

Во мне сомнения смутно бредут...
Самой природой отведен
Вот этот возраст переходный
Для всех людей
и всех времен.

Не только там она, где граница
Из детства в юность пролегла...
—На земле желтый лист лежит.
Нет, нет!

Еще к нам не пришел
С листьями в лиственном осене...
Не лета чувствуя ветра,
Светлает шутовски пресная
Да все души чего-то ждут.

И ты тревог своих не прячешь,
И ты
в свою
поверишь ложь,
Что можно жить начать иначе,
Но жить иначе —
не начнешь.

* * *

Еще зима свершает бег,
Еще звенеть капели рано,
Но с рынка я несу тебе
Три огонька живых тюльпанов.

Неуловим весенний дух,
Что нам на север прислан с юга,
Как важно, чтоб он не потух
В твоей душе
и сердце друга.

Как важно хрупкие огни,
Что маем вдруг на нас повеяли,
С тобой нам бережно хранить,
Чтоб мы опять в весну поверили!

* * *

Мы, конечно, не вечны,
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных,
И снега,
и звезда.

Эх!
Пролиться б дождями,

Быть —
и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одиночной звезды,
Белым снегом черемух,
Звоном колоса в зной,
Ивы
сладостной дремой
Над степною рекой...

Чтоб закат долго-долго
Над землей догорал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я,
замирал.

СНЕЖНАЯ ЯГОДА

Каждому в срок
пышущих чистые.
Каждому в срок —
сверкающие ягоды.
Каждому в меру
и смета, и тема.
Каждому —
сталько-то лист и газа.

Лето прошло.
Хлурой осени флаги
Тихо приспущены с темных ветвей.
Все отцвело.
Только склонен лист
В роще пустой защищает сильней.
Ягода-ягода,
белая-белая.

Что же случилось, скажи мне, со мной,
Не для того ль ты так рано поспела,
Чтоб обернуться метельной зимой.

* * *

Караван гусей плывет вдали,
Слышится их хор многоголосый,
Что они с собою принесли,
Древние и мудрые философы?

Каждый раз, когда придет весна,
Разгадать стараюсь я, как тайну,
Птичьего народа письмена,
Колдунов крылатых бормотанье.

И смотрю я долго птицам вслед...
Жаль, что им не выразить словами
Из миров заоблачных привет
Нам от тех,
кого давно нет с нами.

ЗАКАТ

Мой предок, бесконечно дик,
Взлохмаченный и запыленный,
Остановился у воды,
Закатом солнца пораженный.

И замерло в руке копье,
Была отложена расплата,
Когда увидел он, как пьет
Лосиха
зарево заката.

запросил подтверждение этого
Богу, поклоняясь кресту.
А он, изумленный, не знал,
Что это значит — честность!

11

Здесь можно оторваться.
В плену себе обмана:
Те золотые привычки,
то страшные
Могут с помощью врага.

В уединьи не за шутку.
Быть право надо чистой
Канады —
то права народа.

Be a ~~man~~ a
woman.
Be a ~~woman~~ man.
Be an ~~adult~~ child or
child ~~adult~~ person.

Будь же привет съѣзъ разлука
Съ мои жены, не плачу
Мои слезокъ
расплаку руки,
И съѣзъ обмы, плачу.

* * *

Цветы — весной,
кукушка летом,
белый чистый снег —
зимой.

(Старинное японское трехстишие)

А как себя я в мире выразил?
Кем был? И правильно ли жил?
И сына я пока не вырастил,
И строк бессмертных не сложил.

Уже за полдень годы тянутся...
Нет прежней силы и огня,
Так что же все-таки останется
На этом свете без меня?

Лесная синяя опушка,
Звезда, упавшая в реку,
И одинокая кукушка
С её обманчивым: ку-ку...

Останутся на белом свете,
Пусть без меня —
с моей землей —
Цветы — весной и птицы летом,
И белый чистый снег зимой.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Введение	5
Генетика и геномика	7
Молекулярная биология	8
Биохимия	8
Биотехнология	10
Биоинформатика	11
Биоэнергетика	11
Биохимия	12
Биохимия	13
Биохимия	14
Биохимия	15
Биохимия	15

Часть вторая

Введение	17
Генетика	19
Молекулярная биология	20
Биохимия	21
Биохимия	22
Биохимия	23
Биохимия	24

Дядя Гнат	24
Родинка	26
Зерна в конверте	27
✓ Осенний лист	28
«Знакомый нехитрый пейзаж...»	29
Родник	29
«Все слаще прянный дух отавы...»	30
«Под крылом — в немеряных просторах...»	31
«В печурке белой яростно горят...»	32
«Открыты широко ворота...»	32
Дед Егор	33
✓ Березы	34
Старый дом	35
Колос	36

Во имени долга и добра

Крылья	38
Бригадный наладчик	40
✓ Отцовская нива	41
Сибирские мадонны	43
Бессмертник	44
«Стихи рождаются из прозы...»	45
Капитаны свободы	46
Кожанка	47
Чудаки	48
Учитель	49
«Строчек огненная плавка...»	50

Глаза в глаза

Скорый	51
Времена года	52
Птичий базар	53
«Ползла поземка по земле...»	53
«Эту землю не охватишь взглядом...»	55

• • •	считаете первым...	56
• • •	ты говорил тебе...	56
• • •	зной к тебе стремится...	57
• •	ты проявляешь...	58
• •	ты же говорил: «Горы!»	59
• • •	ты же говорил...	60
• • •	ты же говорил...	60
• • •	ты же говорил...	61
• •	ты же говорил...	62
• •	ты же говорил...	63
• •	ты же говорил в начале сказки...	63
• •	ты же говорил...	64
• • •	ты же говорил...	65
• • •	ты же говорил...	65
• • •	ты же говорил...	65
• • •	ты же говорил...	66
• • •	ты же говорил...	67
• • •	ты же говорил...	67
• •	ты же говорил...	68
• •	ты же говорил...	68
• • •	ты же говорил...	69
• • •	ты же говорил...	70
• • •	ты же говорил...	70
• • •	ты же говорил...	71
• • •	ты же говорил...	72
• •	ты же говорил...	72
• •	ты же говорил...	73
• •	ты же говорил...	74

Владимир Георгиевич Шестериков

ЛИЛОВЫЕ СНЕГА

СТИХИ

Редактор

К. Молдагалиева

Художники

Р. Сliusарева, Д. Мухамеджанова

Художественный редактор

Л. Тетенко

Технический редактор

А. Мулкебаева

Корректор

Б. Алшимбаева

ИД № 3937

Бумага макет № 200.5. Печатка в печать
бумаги формат 20×30 см/кв. Бумага офсетная
формат 20×30 см/кв. Гравюра Тип Барна. Печать
бумаги формат 20×30 см/кв. Усл. пр-отт. 6,87.
Усл. пр-отт. 2,05. Тираж 5000 экз. Заказ № 1165.
Цена 25 коп.

Задание оно же исполнение «Желуди»
издательство Книжный ССР по де-
ятельности книжной и периодической
литературы, Москва, 1953

Издательство Книжный ССР по де-
ятельности книжной и периодической
литературы, Москва, 1953

Шестериков Владимир.
III 52 Лиловые снега: Стихи.— Алма-Ата:
Жазушы, 1988.—80 с., ил.

Поэт пристально вглядывается в духовный мир своего современника, человека ищущего, беспокойного, граждански активного и бескомпромиссного. Стремится раскрыть такие его черты как мужество, сила духа, доброта.

Гражданская позиция, жизненная философия автора отчетливо чувствуются в его поэтических раздумьях, привлекающих своей открытостью, искренностью и задушевностью.

III $\frac{4702010200-133}{402(05)-88}$ 153—88 84Р7—44